

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ИРАК И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «БУРИ В ПУСТЫНЕ» (1990-е гг.)

В.А. Никитюк

Кафедра новой и новейшей истории
Московский педагогический государственный университет
просп. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

Статья посвящена анализу сложных международных процессов, положивших начало возникновению нового очага напряженности на Ближнем Востоке.

В первых числах августа 1990 г. иракские танки вторглись в соседний Кувейт. Через полгода с небольшим эти же танки и другая боевая техника проделали обратный путь, но уже в расстроенном порядке под ударами международных сил, осуществлявших по мандату ООН операцию «Буря в пустыне». Эта буря, вызванная дерзкой и неожиданной акцией режима Саддама Хусейна, гулким эхом отозвалась в глобальной мировой политике. В январе 1992 г. Багдад содрогнулся от взрывов американских ракет. Обстрел повторился в июне. Такая зловещая и учащающаяся периодичность наталкивала на мысль о том, что «Буря в пустыне» была прелюдией, прологом к новому этапу в развитии ситуации в зоне Персидского залива и в ближневосточном регионе в целом.

Захват Ираком всего за один день — 2 августа 1990 г. — небольшого и, по сути, беззащитного Кувейта произвел в мире впечатление разорвавшейся бомбы. Непонимание, возмущение, тревога — так можно было охарактеризовать реакцию мирового сообщества на этот беспрецедентный по своей агрессивности акт, подрывавший сами основы складывавшегося веками международного правопорядка, грозивший задуть те ростки нового в практике общения государств и народов, которые стали пробиваться сквозь наслоения прошлого в результате ослабления «холодной войны». Единодушное и решительное осуждение агрессора послужило, с одной стороны, наглядным доказательством немалой жизнеспособности закреплявшихся в международной жизни новых подходов и принципов, их соответствия главным требованиям времени, с другой — стало серьезным предупреждением всем потенциальным агрессорам, которые в угоду своим узкоэго-

истическим интересам и великодержавным амбициям были бы не прочь вновь вернуть мир к опасной черте непредсказуемых по своим последствиям конфликтов. В диалектически неразрывном единстве и противоположности с первым выводом находится второй: война в Персидском Заливе и последующие удары по Ираку ярко продемонстрировали, сколь хрупко и уязвимо все то новое, что с таким трудом было наработано политиками и дипломатами за последние годы, что было выстрадано человечеством в огне кровопролитных войн и междоусобиц. Кувейтский кризис, судя по всему, стал провозвестником нового периода в истории современности, периода переориентации силовых линий международного напряжения с оси Запад-Восток на ось Север-Юг. При этом мировому сообществу нельзя, очевидно, исключать возможность новых конфликтных, экспансионистских всплесков в зоне развивающегося мира.

Кувейтский кризис — первый столь серьезный и опасный в постконфронтационную эпоху — стал нелегким испытанием на прочность новой структуры международных отношений, складывавшейся в результате перемен в Советском Союзе. Кризис этот наглядно показал, что развитие человеческой цивилизации, осознание каждым членом мирового сообщества своей роли и места в нем достигли такой глубины и широты, при которых можно не только ставить, но и коллективными усилиями успешно решать одну из краеугольных и сложнейших задач мировой политики и международного права — задачу исключения силы из практики межгосударственного общения, разрешения всех спорных проблем мирными политическими средствами.

Агрессия Ирака против Кувейта дала мощный импульс миротворческой деятельности ООН, избавившейся от тягостного бремени идеологического противостояния сверхдержав. Эта деятельность затем получила развитие в Югославии, Сомали, ряде бывших советских республик. Одновременно опыт прошедших лет показал нарастающую опасность превращения ООН из органа, стоящего на страже независимости и территориальной целостности государств — членов организации (как это и было после аннексии Кувейта), в инструмент легитимизации интересов «сильных мира сего», санкционирования силовых акций в защиту этих интересов. А это значит — потеря ООН универсального миротворческого характера. Еще более укрепляет в этом мнении и пассивная реакция Совета Безопасности на июньские ракетные удары по Ираку, произведенные уже безо всякого согласия ООН под зыбким предлогом «законной обороны» от только еще предполагаемых террористических замыслов Багдада.

В этой связи вспоминаются «превентивные» удары США по Ливии в 1986 г., организованный Западом в конце 1980-х годов бойкот Сирии, также обвиненной в поддержке терроризма, периодические торговые и экономические блокады и другие силовые меры против арабских стран. В арабских политических и общественных кругах, несмотря на официальное осуждение Багдада и поддержку действий коалиции, широкое хождение получило мнение и даже убежденность в том, что война в Заливе была скорее войной США и их союзников против Ирака, а не международной акцией по восстановлению мира и суверенитета одного

из членов ООН. Отсюда пусть часто и молчаливое, но сочувственное отношение к Ираку в арабском мире, этим объясняется и осторожный подход государств Залива, прежде всего Саудовской Аравии, к широкомасштабным предложениям американцев по развитию двустороннего военного сотрудничества в поствоенный период. Последующие удары по поверженному Ираку вызвали сначала глухое недовольство, а затем и открытое осуждение июньских налетов. В отличие от западных участников коалиции ее арабские участники не преследовали в отношении Ирака далеко идущих целей, справедливо опасаясь общей разрушительной дестабилизации в регионе. Показательна позиция Б. Гали, Генерального секретаря ООН, бывшего в то время государственным министром Египта по иностранным делам. «Мы, — заявил он в разгар войны в Заливе, — сосуществовали с правительством Саддама Хусейна и (если Ирак уйдет из Кувейта) будем сосуществовать и даже сотрудничать с ним» [5]. Настрой значительной части арабского общества довольно точно выразил один из видных арабских литераторов А. Муниф. «Тот самый Запад, — писал он в одной из своих статей, — который столь усердно добивался выполнения резолюций ООН и направил свои войска и корабли, чтобы освободить Кувейт, на протяжении десятилетий оставался глух к более значимым проблемам региона и до сих пор ничего не делает для проведения в жизнь резолюций, принятых по иным поводам. Полной поддержкой Запада пользуются причиняющие страдания народам диктаторские режимы. Их правители купаются в роскоши, в то время как народы этих государств живут в условиях жуткой нищеты и голодают. Запад закрывает глаза, когда людей лишают свободы, но широко открывает их, как только появляются признаки антизападных настроений или опасной религиозной войны. Вот почему многие арабы полагают, что их страдания — результат заговора диктаторских режимов и Запада» [3].

В период кризиса в Заливе в адрес советской политики и дипломатии раздавалось немало упреков как в арабских странах, так и в самом Советском Союзе, который обвиняли если не в «сговоре» с США, то, по меньшей мере, в «пассивном созерцании избиения своего союзника империалистами». Думается, что такого рода обвинения при внимательном рассмотрении фактической стороны дела оказываются слабо аргументированными, хотя та роль, которую вынужден был сыграть СССР, была навязана всем ходом предшествовавших событий. Во второй половине 1980-х годов в мире обозначились глубинные изменения, являвшиеся следствием подспудно развивавшегося системного кризиса в СССР. Баланс на макроуровне стал постепенно смещаться в пользу американского полюса. Происходивший качественный сдвиг не сразу был осознан мировым сообществом, в том числе на Западе. Думается, новаторские соображения и сентенции о новом политическом мышлении в международных отношениях были не просто искренним порывом страны, пытавшейся выйти из состояния конфронтации, но и, возможно, ощущением возраставшей экономической и идейно-политической несостоятельности как полновесного полюса. Продуцировавшиеся Москвой идеи в целом конструктивно воспринимались на Западе не только потому, что они несли общегуманистический заряд, но и потому, что на СССР продолжали смотреть как

на равнозначный полюс. Отношение к Москве начало меняться в начале 1990-х годов, когда дезинтеграционные процессы в Советском Союзе и «социалистическом содружестве» в целом приняли явный характер. Теперь уже мирные инициативы стали интерпретироваться не как стремление вывести мировое сообщество на оптимальную модель развития, а как проявление слабости. Хотя окончание «холодной войны», казалось бы, снизило риск глобальной военно-политической конфронтации, оно не устранило реальную опасность региональных конфликтов. Более того, изменение соотношения сил на геополитическом уровне, глубинные трансформации в регионах и субрегионах, а также внутривосточные изменения в самих государствах, в том числе под воздействием внешних факторов, вели к образованию новых линий напряжения и кризисных узлов, актуализировали задачу обеспечения внешней безопасности. Изменения диктовали необходимость переосмысления государствами «третьего мира» своей внешнеполитической стратегии и тактики, поскольку линия на эксплуатацию двухполюсного противостояния теряла эффективность, набирая потенциальную опасность. «Сговор» СССР с США и другими членами мирового сообщества состоял в определении в рамках ООН общих целей по скорейшей ликвидации последствий иракской агрессии и восстановлению суверенитета и территориальной целостности Кувейта. Подходы Москвы и Вашингтона к реализации этих целей существенно отличались, хотя это часто забывают. Если американцы с момента возникновения кризиса вели дело к его силовому разрешению, то советская позиция была направлена на поиски политических решений. Активно использовались как средства жесткого давления на нарушителя международного права (официальное осуждение, прекращение военных поставок, участие в международных блокадных санкциях, применять которые, учитывая традиционно дружественный характер советско-иракских отношений и миллиардные материальные потери, было далеко не просто), так и разнообразные дипломатические методы (обмен посланиями глав государств, поездки спецпредставителей для консультаций, рабочие контакты через посольства и т.п.).

В первой половине 1980-х годов из числа государств Совета сотрудничества СССР имел посольство только в Кувейте. В 1985 г. были установлены дипотношения с Оманом, в 1986 г. — с ОАЭ. Затем последовало открытие советских посольств в Манаме и Дохе. Монархии Залива шли на сближение с СССР, разумеется, не без ведома Эр-Рияда, который в свойственной ему манере не торопился форсировать события, предпочитая отслеживать «эксперимент» на расстоянии. Стремясь предотвратить разрастание катастрофы в Персидском заливе, Советский Союз, руководствуясь соображениями всеобщей безопасности, а также скорректированными внешнеполитическими принципами, осудил агрессивные действия иракского режима и приостановил поставки вооружения. Москва твердо выступила за восстановление независимости Кувейта. В результате состоявшегося в Хельсинки 9 сентября 1990 г. советско-американского саммита между М.С. Горбачевым и Дж. Бушем было принято заявление, в котором подчеркивалось, что в случае провала усилий по мирному урегулированию кувейтского кризиса СССР

и США предпримут дополнительные меры в рамках объединенных позиций, чтобы заставить Ирак уйти из Кувейта. В то же время, действительно исходя из союзнических обязательств, Е.М. Примаков посетил Багдад в качестве спецпредставителя президента СССР, чтобы разъяснить Саддаму Хусейну смысл и характер надвигающейся катастрофы и убедить его вывести войска. Однако иракский руководитель отказался прислушаться к рекомендациям.

Такая позиция СССР, несомненно, способствовала формированию достаточно монолитного подхода мирового сообщества к «кувейтскому кризису». Во второй половине 1990 г. СБ ООН принял двенадцать резолюций по этой проблеме, первой из которых явилась резолюция № 660 от 2 августа, осудившая вторжение Ирака в Кувейт и требовавшая безоговорочного вывода его войск. Решения Совета Безопасности предусматривали восстановление суверенитета, независимости и территориальной целостности Кувейта, а также возвращение его законного правительства. 29 ноября была одобрена резолюция № 678, предупреждавшая Ирак, что, если он не выведет войска до середины января 1991 г., СБ ООН разрешает дружественным Кувейту государствам использовать все средства, необходимые для выполнения резолюции № 660 [2. С. 12, 25, 31]. Саудовская Аравия восстановила в 1990 г. дипотношения с Москвой, в 1991 году состоялся обмен послами (изначально были установлены в 1926 г., когда Советский Союз первым признал правительство Абдель Азиза, в конце 1930-х годов сошли на нет после того, как сотрудники миссии во главе с К.А. Хакимовым были репрессированы) [1. С. 112].

Взвешенный подход и многоплановость в реагировании на события в зоне Залива позволили Советскому Союзу играть в ходе «горячей фазы» кризиса уникальную роль посредника, поддерживавшего доверительные связи как с той, так и с другой конфликтующими сторонами. Именно благодаря разносторонней политической и дипломатической работе Советского Союза удалось оттянуть удар США по Ираку, планировавшийся в середине августа 1990 г., дать Багдаду шанс выйти из ситуации с минимальными потерями. Позднее Советский Союз приложил немалые усилия в Совете Безопасности, чтобы не допустить низведения Ирака до положения нищенской страны, изгоя мирового сообщества. Эти бесспорные факты, накопленный опыт конфликтной дипломатии в новых постконфронтационных условиях, к сожалению, часто остаются в тени, без учета и практического использования [1. С. 67].

«Кризис в Заливе» выявил новые черты в тактике США, хотя их действия до и после кризиса вписываются в общую иерархию стратегических целей в отношении Ирака и зоны Залива в целом. Со времени окончания второй мировой войны Соединенные Штаты стремятся обеспечить беспрепятственную «перекачку» нефти из этого района в свою страну и индустриальные центры Запада, не допустить установления там контроля какого-либо «недружественного» США режима. Этими ориентирами объяснялась, в частности, извечная борьба американцев с «советской угрозой» Заливу, их лавирование между Ираном и Ираком в период ирано-иракской войны 1980—1989 гг., заметный крен в сторону Багдада после его военных неудач 1986 г. Захват Ираком Кувейта предоставил Вашингтону шанс

для того, чтобы облечь меры по обеспечению своих интересов в регионе в международно-правовые одежды. Этим объясняется, в частности, стремительное и активное вовлечение США в кувейтский кризис, как и жесткая позиция при поисках его политического решения. США в той или иной форме, если не способствовали, то, во всяком случае, не препятствовали нарастанию напряженности в ирако-кувейтских отношениях, вылившейся в оккупацию Кувейта. Эта версия содержится в вышедшей во Франции книге П. Сэлинджера и Э. Лорана «Война в Заливе» и подкрепляется обошедшим мировую прессу сообщением о беседе накануне вторжения в Кувейт Саддама Хусейна с американским послом в Иордании. Посол якобы дал заверения о «невмешательстве США в случае резкого обострения ирако-кувейтских отношений» [1. С. 146]. Под лозунгом восстановления независимости Кувейта США получили возможность нанести сокрушительный удар по режиму Саддама Хусейна, подорвать военный потенциал Ирака, обеспечить надежные гарантии сохранения позиций Запада в стратегической зоне Залива. За этими региональными целями просматриваются стратегические глобальные планы. Думается, что в условиях стремительного ослабления советского влияния на мировой арене руководство США, приняв решение о военной акции против Ирака, мыслило ее как первый, во многом пробный шаг на пути создания собственного варианта «нового мирового порядка», который, по едкой характеристике журнала «Ньюсуик», «вовсе не „новый порядок“, а все та же система, которую президент и люди его поколения столь ностальгически вспоминают с послевоенного периода. Это мир, в котором Соединенные Штаты лидируют, а союзники следуют за ними» [10]. Следует отметить, что впервые за всю историю американской ближневосточной политики администрации Буша понадобился мандат ООН и довольно продолжительный период времени для осуществления вначале блокады, а затем и военной кампании против арабской страны. После ухода СССР, как мы видим на примере того же Ирака, американцы начинают действовать более уверенно [1. С. 159].

Думается, что в линии поведения Вашингтона в разгар кувейтского кризиса, как в капле воды, отразилось борение мнений в недрах администрации Буша вокруг внешнеполитического курса не только в отдельно взятом регионе, но и в глобальном масштабе. Этим, в частности, можно истолковать явное желание американцев выйти за рамки мандата ООН, не только добиваться освобождения Кувейта, но и падения Ирака. Показательна в этой связи эволюция официально провозглашавшихся Белым Домом целей: вначале — защита Саудовской Аравии от возможного иракского нашествия, позднее к этой цели добавилось освобождение Кувейта, а перед самой войной — уничтожение военной машины Ирака, за которым просматривалось (об этом открыто заявлял Дж. Буш) свержение Саддама Хусейна [8].

Именно под влиянием этой шедшей по нарастающей силовой линии США не откликнулись на предложение СССР о запуске механизма Военно-штабного комитета ООН, о постановке под эгиду «голубых касок» многонациональных сил в зоне Залива, форсировали начало широкомасштабных операций на суше,

хотя к тому времени при посредничестве Советского Союза было получено согласие иракского руководства удовлетворить требования мирового сообщества. Именно для того, чтобы нанести как можно больший ущерб Ираку, американцы вопреки общепринятым законам и обычаям ведения войны осуществляли ковровые бомбардировки (а отнюдь не «хирургические удары», о которых широко вещали представители Пентагона и средства массовой информации США), применяли напалм и кассетные бомбы, уничтожали отступающих иракцев уже после объявления перемирия. По данным французского журнала «Дефенс Насьональ», за 40 с небольшим дней кризиса на Ирак было сброшено бомб и других взрывных устройств больше, чем на Германию за всю вторую мировую войну. В результате страна, потеряв более 100 тыс. убитыми (по некоторым подсчетам — до 300 тыс., потери же США, в том числе от огня собственных войск, — 120 человек), лишилась производственной и жизненно важной бытовой инфраструктуры и снабжения, оказалась, по оценкам экспертов ООН, отброшенной в доиндустриальную эпоху [6].

С другой стороны, США все же удержались от соблазна добить Ирак, о чем проговорился главнокомандующий силами коалиции американский генерал Н. Шварцкопф [7. С. 206]. Бывший советник Б. Клинтона по ближневосточным делам М. Индик считает, что «выживание Саддама Хусейна стало неприятным сюрпризом для Вашингтона» [8]. Однако, думается, в данном случае трезвый политический расчет взял верх над военно-стратегическими соображениями. К тому же в вашингтонских коридорах власти, вероятно, еще не забыли о печальном опыте вмешательства в Ливане, принесшего США не лавры победителей, а многочисленные гробы джи-ай. США воздержались и от вмешательства в военные операции Багдада против курдских и шиитских повстанцев, ограничившись оказанием гуманитарной помощи и созданием охранных зон на севере Ирака. По мнению многих видных представителей иракской оппозиции, в политике США на последнем этапе войны произошел еще один поворот: после активизации курдов на севере и шиитов на юге администрация Буша перешла от всемерного давления на Саддама Хусейна к оказанию ему хотя ограниченной и косвенной, но поддержки, видимо, предпочитая в то время иметь в Багдаде слабого, готового на уступки диктатора, а не повстанцев, трудно поддающихся контролю. Активная и одновременно гибкая линия администрации Буша помогла ей набрать важные политические очки и выйти из кризиса победителем по многим параметрам. В аравийских песках была продемонстрирована лидирующая роль Америки в современном мире, опробована новая тактика нанесения ударов по суверенным государствам под своей эгидой и флагом ООН. Новая администрация, судя по заявлениям ее представителей во главе с президентом Б. Клинтонем, стремилась сосредоточиться на решении внутренних проблем Америки. Однако соблазн продолжения прежнего экспансионистского курса, подкрепления лидерства Соединенных Штатов новыми впечатляющими кампаниями и акциями чрезвычайно возрос: главный и давний противник США покинул мировой ринг и путь к «рах атегісана» можно было пройти беспрепятственно. В этом контексте, очевидно, нуж-

но рассматривать и последующие нанесенные уже с большей уверенностью, безо всяких международных мандатов «оборонительные удары» американских ракет по Ираку.

В ближайшем будущем мир стал свидетелем возрастающего головокружения от могущества и усиления имперских амбиций во внешней политике США. При этом верх в «перетягивании каната» при определении дальнейшей стратегии и тактики на мировой арене последовательно одерживают сторонники возвращения к силовым парадигмам внешнеполитического поведения США. На ближневосточной арене такое возвращение явно стало происходить в 1990-е гг.: если ранее США обороняли этот «жизненно важный для их интересов» регион от «советской угрозы», то теперь угроза, по выкладкам американских стратегов, исходит от Ирака, Ливии, других стран с «недемократическими режимами». Борьба с этими режимами будет также вестись, скорее всего, недемократическими методами.

Возвращаясь к приобретениям США в региональном плане после победоносного завершения кампании в Заливе, отметим, что, несмотря на жестокие удары по одной из арабских стран, США выступили в почетной роли защитника другой, а затем — заступника за курдов и шиитов. Поражение Багдада, которое с самого начала было предрешено для всякого объективного и здравомыслящего наблюдателя, на долгие годы вывело из строя и глубоко скомпрометировало в глазах всего мира одного из главных политических противников США, не только занимавшего относительно жесткие антиамериканские и антиизраильские позиции со времен 1967 г., но и оказывавшего широкую и щедрую поддержку враждебным Вашингтону силам. В этом свете можно прийти к выводу о том, что последующая инициативированная Вашингтоном серия нажимных акций и прямых ударов по Ираку была нацелена не столько на дальнейшее ослабление режима Саддама Хусейна, которому и без того пришлось долго залечивать раны, нанесенные «Бурей в пустыне», сколько на отработку новых внешнеполитических моделей и стереотипов, соответствующих постконфронтационной эпохе и новой роли США в мире. Резкое снижение политического и экономического потенциала Ирака, а с ним и поддержавшей его ООП, существенно изменило политическую палитру региона, привело к преобладанию в ней более умеренных, традиционалистских красок и оттенков, что также можно отнести в актив США и их союзников. Отнюдь не случайны поэтому энергичные попытки США после кувейтской кампании на волне усиления умеренных тенденций в арабском мире, вдохнуть новую жизнь в прежние схемы ближневосточного урегулирования. Усадив арабов и израильтян за стол переговоров, США надеялись и здесь одержать победу, добиться урегулирования самого застарелого в XX веке конфликта. Однако начавшийся на Мадридской конференции переговорный процесс натолкнулся на прежние препятствия — неуступчивость Израиля, его попытки диктовать свои условия, несогласованность позиций арабских стран, а в последнее время нарастание в ближневосточной политике США, особенно после ухода Советского Союза, силовых составляющих. В результате переговоры пошли трудно, с задержками и перерывами, а закончившийся в начале июля 1993 г. их десятый раунд, как и многие предшествующие, оказался бесплодным.

Аннексия Ираком Кувейта добавила остроты в глубинные межарабские разногласия, вызвала еще большее размежевание среди арабских стран, на этот раз по признаку поддержки или осуждения Ирака. Дело дошло до беспрецедентного приглашения иностранных государств, прежде всего США, к решению внутриарабской проблемы и последующему обеспечению безопасности в зоне Залива. Углубление взаимного недоверия и трений среди арабских стран дало некоторым американским аналитикам основания для вывода о закате панарабизма и даже арабского мира как политической сущности, о превращении Ближнего Востока в своего рода «мини» Латинскую Америку, в группу самостоятельных государств, связанных общим языком, культурой, религией, историей и даже судьбой, но не политическими узами. Думается, однако, что, несмотря на всю кажущуюся обоснованность этого вывода, делать его было бы не совсем корректно. Несмотря на отмеченные центробежные силы, подпитываемые вызывающим поведением Багдада, в арабском мире сохраняются и силы центростремительные, регенерируемые нерешенностью многих задач независимого, суверенного развития. И чем чаще и болезненнее наносятся удары по отдельным частям этого мира, тем активнее будут проявлять себя эти силы. Нельзя также сбрасывать со счетов те интеграционные процессы, которые успешно развиваются сегодня на региональном и глобальном уровнях. В этой связи можно ожидать, что центростремительные тенденции в развитии арабских стран будут проявляться двойко: как реакция на воздействие извне и как ответ на требования времени, на проблемы, требующие решения коллективными усилиями.

В более узком, зональном плане поражение Ирака, даже не столько военное, сколько морально-политическое и экономическое, тяжелое бремя контрибуций (до 300 млрд долл.) нарушило сложившийся после ирано-иракской войны региональный геополитический и геостратегический балансы, отодвинуло страну на второй план политической и экономической жизни региона [12. С. 46]. Показательным в этой связи являлось стремление Вашингтона в 1990-е гг. заложить в посткризисную систему безопасности сохранение на неопределенный срок в зоне Залива американского военного присутствия как путем ставшей уже привычной дислокации военных кораблей, так и через расширение сети опорных пунктов и баз на территории прибрежных государств. Осуществление планов превращения Персидского залива в «залив американский» облегчалось признаниями руководителей большинства арабских стран неспособности обеспечить своими силами посткризисную безопасность. В результате заключенных после «Бури в пустыне» двусторонних соглашений впервые со времен второй мировой войны «жизненно важная для безопасности США» зона Персидского залива оказалась под прямым контролем Пентагона. Как считает председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал К. Пауэлл, «американское военное присутствие является решающим фактором сохранения стабильности» в этом районе, при которой Кувейт имеет стопроцентные гарантии своей безопасности [9]. Отметим, что присутствие вблизи тлеющего очага конфликта позволило американцам малыми силами и средствами наносить последующие разрушительные удары

по Ираку. Вместе с тем, опыт прошедших со времени «Бури в пустыне» лет убедительно показывает, что ни одну из конфликтных проблем современного мира, будь то на Ближнем Востоке, в Югославии или Сомали, невозможно решить силой, военным диктатом, который может дать в лучшем случае лишь временный паллиатив, чреватый новыми вспышками противоречий и вооруженных столкновений. Силовое воздействие может вызвать лишь аналогичную ответную реакцию, пусть не всегда мгновенную, но имманентно неизбежную. В этой связи не стоит обольщаться явлением заместителя премьер-министра Ирака Т. Азиза о том, что Багдад не собирается отвечать на американские удары, что и доказали события 2003 года [4].

Военный разгром Ирака в 1991 г. решил одну важную для всего мира проблему — не позволил агрессору воспользоваться плодами своих противоправных действий. Остальные же наболевшие проблемы региона, такие как достижение справедливого и долгосрочного ближневосточного урегулирования, ускорение экономического и социального развития, демократизация общественной жизни и многие другие, приобретают все большую остроту, которую не способна притупить ни одна армия мира. Размышляя над антииракским курсом Белого дома, американские аналитики с нарастающей тревогой отмечали такие его негативные для Америки результаты, как нарастание этнических и религиозных противоречий в регионе, распространение антиамериканских настроений, усиление дестабилизирующей роли Ирана. В этом свете продолжение политики «жесткой руки» в отношении Ирака, Ливии и других «нелояльных» режимов могло привести к растрате заработанного США в ходе войны в Заливе капитала. «Версальский мир», полученный Багдадом, не мог стать и не стал долговечным, учитывая его разорительный и во многом унижительный характер для Ирака, превращающий страну в мину замедленного действия, подведенную под региональную стабильность. Вспомним в этой связи хотя бы тот факт, что одним из решающих побудительных мотивов Багдада к захвату Кувейта было стремление за его счет несколько облегчить тяжкий груз экономических проблем и внешних долгов, оставшихся после бесплодной войны с Ираном. Все это говорило о том, что в регионе сохраняются источники тревожной политической и социально-экономической напряженности, которые прямым, даже подкрепленным международными санкциями нажимом, устранить невозможно. Для ликвидации опасности новых вооруженных вспышек необходимы конструктивные шаги по созданию надежной коллективной системы безопасности.

Кувейтский кризис высветил давно назревшую потребность неуклонного снижения взрывоопасности ближневосточного региона в целом, плотного подключения его к благотворным магистральным процессам, развивающимся в современных международных отношениях в сторону снижения военной опасности и укрепления взаимного доверия. А этого можно добиться, прежде всего, через ограничение гонки вооружений, которая после «Бури в пустыне» поднялась в регионе на новый виток. Сбить ее накал можно путем сбалансированного сокращения поставок оружия извне, особенно ракет и ракетных технологий.

Однако Ближний Восток стал ареной еще более острой конкурентной борьбы поставщиков оружия, о чем свидетельствовала ярмарка 1994 вооружений 1994 года в Абу-Даби. США, к примеру, уже после окончания «Бури в пустыне» заключили контракты на поставку оружия на общую сумму, превышающую 30 млрд долл. [7. С. 123].

Очевидно, что проблемы урегулирования в зоне Залива нельзя рассматривать в отрыве от главного источника войн и перманентной нестабильности в регионе — неурегулированности арабо-израильского конфликта. Показательно, что Саддам Хусейн в период кризиса и после него пытался оправдать свои захватнические аппетиты ссылками на сохраняющиеся арабо-израильские антагонизмы. В этой связи мировому сообществу необходимо коллективными усилиями форсировать поиски решения этой сложной проблемы, лихорадящей народы Ближнего Востока вот уже почти полвека, что возможно лишь при условии обеспечения баланса интересов всех участников конфликта, включая, естественно, палестинцев и Израиль. Попытки же решить ее обходными путями или прямыми силовыми методами не только не достигают цели, но и дают, как показывает вся современная история Ближнего Востока, обратные результаты.

Развитие событий вокруг Ирака и в зоне Залива в целом подтверждает мысль о том, что центр тяжести международной напряженности переместился с глобального на региональный, а в ряде случаев — на национальный уровень. Задачи ограждения национального суверенитета от посягательств извне, ускорения социально-экономического развития и выравнивания уровней благосостояния народов, разрешение межнациональных и конфессиональных конфликтов, ликвидация опасных проявлений национального эгоизма и агрессивного национализма — таков далеко не полный перечень проблем, которые выходят на первый план в повестке дня международной жизни. Для их решения требуется долгая, спокойная и кропотливая работа всего мирового сообщества. Сосредоточиться на ней, на поисках подходящих развязок конфликтных узлов, которые, как показывает опыт, при силовом нажиме затягиваются еще туже, — таков определяющий императив нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алькалла А.А. Сверхдержавы и Ирак (эволюция политики США и СССР в отношении Ирака в 1958—1991 гг.). — М.: ИВ РАН, 1994.
- [2] Резолюция СБ ООН № 661 от 6 августа 1991 г., № 665 от 25 августа 1990 г., № 670 от 25 сентября 1990 г., № 687 от 3 апреля 1991 г.
- [3] Al-Ahbar, Cairo. — 02.07.1996.
- [4] Al-Jumhuriya, Baghdad. — 26.04.1993.
- [5] Arab News, Cairo. — 1993. — № 16.
- [6] Defence National. — Paris. — 1993. — № 8.
- [7] Heikal M. The origins of Kuwait. — L., 1997.
- [8] MEED. — Washington. — 1999. — № 16; 2001. — № 7.
- [9] New York Times, N.Y. — 08.03.2002.
- [10] News Week, N.Y. — 1999. — № 27.

- [11] *Record J.* Hollow Victory. A Contemporary View on the Gulf. — Washington: Brassey's Inc., 1997.
- [12] *Sewart V.* The Middle East after the Gulf. — L.: Wilton Press Papers, 1992.

IRAK AND THE POLITICAL CONSEQUENCES OF THE «STORM IN THE SANDS» (1990s)

V.A. Nikityuk

New and the Newest History Chair
Moscow Pedagogical State University
Vernadskiy Av., 88, Moscow, Russia, 119571

This article is devoted to the analysis of the complicated processes, which start a new centre of international tension in the Middle East.